

Парижский наблюдательный пункт

Дозированные интервенции в защиту мультилатерализма

Мы публикуем статью наших французских товарищей из газеты L'Internationaliste.

Эммануэль Макрон совершил визит в США с 29 ноября по 2 декабря. По случаю этой поездки президент заявил в интервью газете *Le Parisien*: «Я приехал как рупор французской и европейской промышленности». Его главная цель состояла в том, чтобы «совместно [с американцами] найти [...] конкретные решения» ситуации, сложившейся после принятия Акта о снижении инфляции (IRA), программы промышленной политики, подвергшейся резкой критике в Париже. Макрон выразил надежду, что для Европы будут предусмотрены такие же исключения, как для Мексики и Канады. Франция как председатель Совета ЕС настаивает на более интервенционистской промышленной политике в Европе, продолжая при этом поддерживать мультилатерализм и либеристский цикл.

Выступление перед Европой

Деловая газета *Les Echos* приводит слова источника в Елисейском дворце о том, что целью поездки президента была «ресинхронизация» американской и европейской повестки дня с целью выстроить «не только честную, но и ориентированную на стратегию конкуренцию между США и Европой». По данным *Les Echos*, Макрон хотел бы убедить партнёров в том, что более сильная Европа будет выгодна США, учитывая их приоритетность их положения в Индо-Тихоокеанском регионе и по отношению к России. Президент уверяет, что «*послание, направляемое американцами*» – это «*сделайте свой IRA*».

Французская пресса единодушно интерпретирует эту поездку президента как послание прежде всего самим европейцам. Высказывается мнение, что Макрон стремится продемонстрировать присутствие американского соучастия в его европейских планах и будет использовать надежду на близость с Джо Байденом для поддержки своего *Vue Européen Act*, хотя переход к такой радикальной политике считается большинством аналитиков маловероятным.

Однако, согласно *Le Monde*, Макрон вернулся из поездки, не добившись больших успехов. В связи с этим французская пресса опасается, что «*делай как мы*» американской администрации в адрес французских лидеров – это скорее ядовитая вылазка: ничто так не разделяет европейцев, как их взгляды на конкуренцию и протекционизм.

На прошедшем 15 декабря саммите 27 лидеров обратились к Европейской комиссии с запросом о представлении плана действий к концу января для его рассмотрения в феврале. Урсула фон дер Ляйен несколькими днями ранее уже заявила о своей готовности смягчить европейские рамки государственной помощи и создать суверенный фонд благосостояния, несмотря на разногласия по этому вопросу.

Либеральный порядок

На фоне того, что такие концепции, как «*промышленная политика*» и «*протекционизм*», снова входят в моду, возможно, будет полезно посмотреть, как эти явления рассматриваются экономическими историками. Их анализ в определённой степени влияет на общее видение истеблишмента по данным вопросам.

По мнению американского историка Ричарда Ф. Кюзела (“*Capitalism and the State in Modern France: Renovation and Economic Management in XX century*”, 1984), во время исторического перелома в начале XX века, периода, который мы называем наступлением империалистической фазы, Франция культивировала смесь либерализма, унаследованного от революции 1789 года, и протекционизма, это происходило в контексте демографической инерцией, которая продлится до периода после второй мировой войны.

С точки зрения автора, который определяет этот период французской истории как период «*либерального порядка*», действия государства характеризовались «*ограниченностью*»: «*В отличие от других государств, и в частности имперской Германии, Третья республика не играла роль поборника промышленной экспансии*». Единственным отклонением от либеральной политики были определённые протекционистские, но не интервенционистские действия. Хотя государство, учитывая массу его работников и

огромный объём проводимых им финансовых операций, действительно имело важный вес в экономике, напротив, в её регулировании, в определении направления развития экономики, в управлении предприятиями и их функционированием его активность была сведена к минимуму. Государство владело мануфактурами, унаследованными от старого режима, в соответствии с кольбертистской традицией, управляло транспортом, выделяло участки для общественных работ, но не имело современной промышленной политики, направленной на формирование сильных экономических чемпионов посредством поддержки, льгот и давления. *«С точки зрения размера производственных единиц, страна отставала от ведущих промышленных держав: Великобритании, США и Германии».*

В работе "Империализм как высшая фаза капитализма" Ленин определяет французский империализм, несмотря на определённую финансовую централизацию, как *«ростовщический империализм»*¹, *«в отличие от английского, колониального, империализма».* Французский капитал *«помещён главным образом в Европе и прежде всего в России [...], причём преимущественно это – ссудный капитал, государственные займы, а не капитал, вкладываемый в промышленные предприятия»*².

По мнению Кюзела, основная философия действий государства не претерпела значительных изменений до второй мировой войны, несмотря на появление остававшихся в меньшинстве технократических течений, выступающих за государственное вмешательство для повышения промышленной концентрации.

После 1945 года, с началом того, что мы называем циклом государственного капитализма, в политических течениях, возникших из Сопротивления, и в политическом классе в целом сложился консенсус вокруг того, чтобы поставить страну на путь некоторой формы дирижизма, критикуя "мальтузианство" довоенной буржуазии.

Хотя в начале 1900-х годов Франция не была "империализмом бедняков", преимущество, которым располагали её основные конкуренты, заставило страну проводить политику догоняющего развития, чтобы сохранить свои мировые позиции.

Различия между моделями

В своём тексте "Франция – Германия: трудная конвергенция" (Peter Lang, Berna, 2015) Мишель Хау, профессор Страсбургского университета, ставит под сомнение разницу между немецкой и французской моделями. По его мнению, Германия исторически была более открыта для внешней торговли, чем Франция. До создания Таможенного союза и национального объединения небольшие государства долины Рейна не располагали большим внутренним рынком. В отличие от Франции, их буржуазия, уже динамично развивавшаяся до промышленной революции, смотрела вовне и была вынуждена приспосабливаться к реальности развивающегося мирового рынка. После объединения Германия стала морской и экспортной державой: в 1913 году немецкая промышленность экспортировала треть своей продукции, прежде всего в более развитые страны. Начиная с XIX века, наряду с крупными концернами и будущими картелями формировались *Mittelstand* – конкурентоспособные малые и средние предприятия.

По словам Хау, *«после 1945 года обе страны сделали диаметрально противоположные выводы из второй мировой войны: Франция вернулась к дирижистской традиции, [...] в то время как Германия заново открыла свою старую культуру торговых городов после перерыва на военную экономику».* В этом интервентистском цикле французская сторона сделала выбор в пользу национализации ключевых промышленных секторов и государственного контроля над кредитными механизмами для направления инвестиций. *«Форсированная модернизация промышленности, проводимая под давлением государства, шла рука об руку с ослаблением автономии частных компаний»:* они облагались более высокими налогами, чем их немецкие коллеги. Государство использовало этот рычаг для направления промышленной политики. В Германии типичное государственное вмешательство в духе ордолиберализма сочетает в себе определённую свободу выбора для компаний с предоставлением значительной помощи со стороны федерального государства и земель.

Французское отставание

Хау сетует на то, что «после блестящего периода 1960-х годов, когда Франции удалось сократить разрыв в экономической мощи» со своим соседом, «движение началось снова, но в противоположном направлении». С началом либеристского цикла и окончанием эпохи дирижизма стало накапливаться отставание французской промышленности от немецкой, несмотря на то что крупные французские компании, которые только что были приватизированы, включились в поток глобализации и создали филиалы по всему миру. Что касается уровня корпоративного налогообложения, то он остался неизменным.

Несмотря на различия в моделях, историк отмечает определённую конвергенцию между положением дел в Германии и во Франции в послевоенные десятилетия: «Углубление европейской интеграции в конечном итоге вынудило французские правительства принять, не осмеливаясь открыто говорить об этом, правила работы, которые приблизили французскую экономику к немецкой. После отказа от протекционизма в 1958 году французское общество отказалось от инфляции в 1983 году, дирижизма в 1986 году, конкурентных девальваций в 1992 году, монетарного суверенитета в 1999 году и, наконец, в 2013 году – от политики оживления экономики за счёт государственных расходов».

Эти этапы являются частью того, что мы назвали «европейской закономерностью немецкой реструктуризации».

Хау соглашается со звучащей сегодня либеральной критикой тенденции к превращению более высоких налогов, взимаемых государством с компаний, в постоянные. Из-за этого, утверждает он, с 1945 года французские капиталисты фиксировали более низкие показатели прибыли. Отметим, однако, что именно неспособность французских экономических групп достичь уровня наиболее эффективных капитализмов, когда эти группы были предоставлены сами себе, послужила причиной сильного послевоенного дирижизма, который позволил создать множество «национальных чемпионов».

Хотя Германию часто представляют как образец либерализма, мы можем отметить, что на протяжении XX века в Германии существовало государственное экономическое вмешательство, которое, благодаря объективной прочности капиталистической ткани, смогло обойтись без радикальных методов лечения во французском стиле. Какие дозировки могут быть согласованы в европейском масштабе? Макрон, похоже, не хочет отказываться от снижения корпоративных социальных и налоговых отчислений. И хотя он выступает за увеличение государственных инвестиций, массовые национализации не стоят на повестке дня. Осознавая, что промышленная ткань Франции исторически отличалась большей слабостью, сможет ли французская экономика частично наверстать свою промышленную отсталость в империалистическом сражении?

Оказавшись в ловушке между страхом экономического деклассирования и политической маргинализации, Париж мечтает о восстановлении путём использования европейского империализма в рамках реструктуризации по «немецкому образцу».

Декабрь 2022 г.

¹ – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 27. С. 362.

² – Там же. С. 361.